

В МИРЕ ПРЕКРАСНОГО

В МОСКВЕ в эти дни гостит поистине удивительная делегация. В ее состав входят французы и итальянцы, голландцы и англичане, испанцы, немцы и послы старинной Фландрии. Самым молодым ее участникам больше ста лет. Возраст пожилых — не меньше пяти веков, а то и больше, но при этом они остаются такими же молодыми и прекрасными, как их столетние товарищи по профессии.

Впрочем, это понятно, так как их всегда отличала великая способность творить чудеса. Это «делегация волшебников», в чем может убедиться каждый, кто, постояв в длинной очереди, ведущей к Музею изобразительных искусств имени Пушкина, попадет наконец в залы, где открылась приехавшая из Франции в Москву выставка пятидесяти двух картин прославленных живописцев мира.

Подлинное искусство — это всегда чудо. Волшебная кисть великого мастера дает вам возможность сегодня, в середине шестидесяти годов двадцатого века, заглянуть в глаза, в живые глаза человека минувших веков, прочесть его заветные мысли, почувствовать его дыхание, услышать его голос — да, услышать, ибо немые холсты могут быть поразительно красноречивы...

Вы всматриваетесь в лица крестьян и королей, детей и воинов, пророков и святых, которые на поверку оказываются земляками художника, писавшего с них свои библейские притчи... И за всем этим великолепием красок, то сдержанных и задумчиво-нежных, то буйных и ослепительных, встают перед вами человек и его время, человек и его радости, его печали, его борьба, его изумление перед красотой мира и его пылкое раздумье над трагическим несовершенством его... Сталкиваясь друг с другом, холсты образуют своеобразную «драматургию кисти», по закону образного монтажа усиливающую их драматическое красноречие.

ВОТ ПЕРЕД НАМИ «Бег свободных лошадей» — одного из лидеров французского романтизма Теодора Жерико. Мчится по дороге могучий, горделивый конь, победно развеивая на фоне ярко-голубого неба его царственная грива. Прекрасные, обнаженные юноши сдерживают его бег. Какая сила, какая раскованность и воля в этом чудесном состязании человека и сказочного коня! Специалистов заинтересует,

Эдуард МАНЕ. «Лола из Валенсии».

Джошуа РЕЙНОЛДС. «Портрет мастера Хора».

Доменико ФЕТИ. «Меланхолия».

ДРАМАТУРГИЯ КИСТИ

что эти зарисовки Жерико делал в Италии, во время традиционных скачек, которые каждый год происходят в Риме, на Корсо, во время карнавала. Для нас важно иное: «Бег свободных лошадей» — это метафора свободы, освобождения от всяческих пут и преград.

Рядом с этим полотном висит другая картина Жерико — «Известковая печь». Что, казалось бы, может увидеть художник, да еще романтик, в таком прозаическом предмете? Посмотрим. Человека на этой картине не видно, остались только лошади. Но как они непохожи на свободных коней! Это низкорослые рабочие мулы, таскающие в телегах известь. Их морды опущены вниз, в намордники кормушек. Они понуро жуют свою жвачку под черным, аспидным небом, рядом с этой проклятой печью, похожей на тюрьму...

Вместе с гордым конем бежали по небу белоснежные облака... Здесь тюрьма — печь окутана зловещим, клубящимся паром, словно вырвавшимся из преисподней...

Какие разные кадры! Мечта и реальность. Оказывается, романтик Жерико умел быть весьма трезвым реалистом.

...Уцелевшего от пожара в Бордо, израненного куска картины другого великого романтика Франции Эжена Делакруа оказалось достаточно, чтобы понять силу его замысла и страсти. Подойдите к его «Охоте на львов» — и вы услышите хрипение рухнувших лошадей, стоны раненых, рык разъяренного зверя. Смешались в кучу кони, люди... и львы. Вначале кажется, что львы одолевают людей. Как языки лохмотя, рыжего пламени, они полыхают, царствуют на сохранившейся части холста.

Но ведь это только часть картины. Попробуйте взять репродукцию «Охоты на львов» Рубенса, под влиянием которой, бесспорно, написана эта вещь, и закройте «ладонью» ее верхнюю часть с черно-алыми всадниками, разящими львов, — что останется? Поверженный, падающий вниз головой охотник, мертвое, распростертое на земле тело и один еще сопротивляющийся в последнем усилии боец. А теперь вернемся к израненному фрагменту Делакруа. Человек, в тело которого вцепился хищник, тяжело опираясь на свободную руку, готовится к прыжку. Его окровавленная сабля лежит на земле. Он руками задушит зверя. Второй охотник уже нацелился на львицу и сейчас нанесет удар.

А сверху, почти на границе, за которой пожар уничтожил картину, мы видим ногу всадника, уверенно лежащую в стремени. Человек не повержен! Человек победит льва.

Духовный мир человека революции, член революционного конвента, голосовавшего за казнь короля, открывает нам портрет бывшего сельского врача, посла Французской республики Фердинанда Гиймарде, написанный легендарной кистью Франсиско Гойи.

На зрителя обернулся, словно на минуту оторвавшись от своих мыслей, человек действия и борьбы. Его серые глаза, в которых виден свободный, живой ум, смотрят на вас открыто и доброжелательно. Сдержанно строгий черно-серый колорит портрета взрывается, словно праздничным салютом, звонкими аккордами красного, белого и синего — цветами революционной Франции, которые украшают треуголку

посла и горят на шарфе, повязанномazole эфеса его шпаги. Если вспомнить, что эти крамольные эмблемы строго преследовались в Испании, можно по-настоящему оценить отвагу художника, который специально отставил на портрете руку своей модели для того, чтобы еще яснее был виден трехцветный символ страны восставшего народа.

Я ДУМАЮ, что именно искусство портрета сильнее всего представлено на выставке. Здесь можно увидеть подлинные шедевры. Это и поразительный, золотисто-коричневого колорита портрет жены Карла IX, королевы Елизаветы Австрийской, принадлежащий кисти Франсуа Клуэ — удивительного художника XVI века, удивляющий нас сегодня своим тонким и, я бы сказал, вполне современным психологизмом. Это, конечно, знаменитая «Цыганка» Франса Хальса, в которой каждый мазок говорит о характере свободном, как ветер: свободно падают непокорные волосы, молодой груди тесен корсаж, рубашка словно подбита ветром, губы и глаза смеются. Чертовски хорошо жить на свете, когда человек свободен!

А как написан тем же Хальсом портрет философа Рене Декарта! Кто еще мог так написать лицо, чтобы оно было в непрерывном движении; Декарт чуть-чуть улыбается, подрагивает, прилепившись где-то сбоку, борода, движутся брови и только глаза смотрят пристально, ничего не беря на веру, во всем сомневаясь...

«Я мыслю, следовательно, я существую» — да, эти слова принадлежат именно этому, смотрящему на нас с портрета человеку.

В тот же год, в который был написан Тицианом его знаменитый портрет «Человека с перчаткой», полный поистине гамлетовских раздумий, художник создал и «Мужской портрет», ставший сегодня нашим гостем. На темном фоне, с которым сливается черная одежда человека, оттененная белым рюшем воротника, почти по-рембрантовски выхваченное треугольником неяркого света, возникает лицо юноши с чахлым румянцем горожанина и слегка воспаленными, красными от чтения глазами. Кажется, что глаза его рано устали читать книги жизни, но он продолжает отважно смотреть в мир, стараясь пробиться к его сути...

Может быть, самая сильная вещь выставки — это «Автопортрет» Тинторетто. Из темноты выступает и глядит тебе в душу лицо очень старого человека, чья жизнь была исполнена титанического труда. Клубится седая борода, морщины избороздили высокий лоб, втянулись щеки, нависли под глазами мешки. Но главное — это глаза. Я никогда не видел таких глаз. Они расширены, как будто вставили в них сказочный хрусталик Перегринуса, который в «Повелителе блох» Гофмана дал человеку волшебную силу прозрения. Но не сказочный хрусталик сделал их такими бездонными, печальными и, вместе с тем, рентгеновски-зрячими. Перед этими глазами прошла трагедия века, глаза великого венецианца видели, как титаны Возрождения превращались в карликов буржуазной наживы, как закатывалось — в крови, коварстве, жестокости — солнце его могучей эпохи. И душа этого человека нашла в себе силы досмотреть все до конца и поведать об этом людям. Великое произведение рембрантовской силы.

Кстати, когда Рембрандт писал своего апостола Матфея с ангелом — мне кажется, он создавал тоже один из вариантов внутреннего автопортрета. И ангел ведь это не ангел, а сын его Титус. Во всяком случае перед нами художник, творец, ищущий вот в эти минуты то единственное слово, которое он должен найти, чтобы передать истину. Он думает, взвешивает, прислушивается к своему внутреннему голосу, к голосу гения своего, который в образе сына стоит за его спиной. Сейчас это слово будет написано... Руки его — тяжелые, натруженные руки пахаря, лицо крестьянина, коричневого, как земля. А разве художник — не пахарь, в великом напряжении щедрой, работающей рукой забрасывающий семена в души людей?

Даже грациозный, изысканный Ватто обретает какую-то несвойственную ему гор-

дость и силу, когда пишет портрет своего друга, скульптора Антуана Патера, в котором все отмечено горделивым достоинством мастера, сознающего свое право бесстрашно говорить правду в глаза королям.

Удивительно эта тема художника звучит в шедевре Дега «Абсент». Парижское кафе. Серые, словно могильные плиты, плоскости пустых столов. Грязные тени на серых стенах. За столиком двое: мужчина и женщина в серой шляпке. И перед ними — на пустых столах — рюмки с абсентом, единственно, что поддерживает их в этой томительно бедной, уныло-серой жизни.

Мужчина, без сомнения, художник, мы даже знаем, что Дега писал его со своего друга художника и драматурга Марселена Жильбер-Дубутена. Для образа женщины позировала актриса Элен Андре. Кем она должна была быть по замыслу Дега? Женной художника или его случайной подружкой? Не знаю, но мы видим, что эти люди как-то отчуждены друг от друга. У каждого свои мысли. «Как жить дальше, — кажется мне, думает женщина. — Денег нет, и нет любви, и нет будущего...» А художник, упрямо сжав зубами папироску, внимательно и зорко смотрит на проходящий мимо него Париж. О нет, он не сдался. Он будет работать.

ЗДЕСЬ РАССКАЗАНО о встрече всего лишь с несколькими картинами. У каждого, разумеется, будут свои собственные впечатления. Некоторым выставка может показаться не такой уж щедрой. «Что может прибавить один натюрморт Гогена, когда у нас есть с десятков его лучших картин. И насколько лучше голевская «Испанка» Киевского музея, скажем, «Дамы с веером». А какой у нас Рембрандт?!»

Как это неверно! Если б на выставке был бы всего один такой шедевр, как «Автопортрет» Тинторетто или «Анжелина» Мане — это уже был бы огромный праздник. Выставка дает немалый материал для размышлений о взаимообогащающей перекличке национальных культур, стилей, манер, традиций и новых течений.

Впрочем, об этом лучше размышлять специалистам. Мы же, зрители выставки, можем лишь приветствовать инициативу этого многозначительного прекрасного представительства картин и снова и снова думать о том, насколько же лучше для народов мира обмениваться картинами, театрами, оркестрами, а не смертоносными залпами ракет.

Виктор КОМИССАРЖЕВСКИЙ.

Комсомолец Сталинград, 1945, 5 авг.